

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ ТОВАРНО-ЗРИТЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

13–16 августа 1965 года Лос-Анджелес накрыло волной негритянского восстания. Инцидент с участием дорожной полиции и пешехода перерос в два дня стихийных бунтов. Постоянно прибывавшие подкрепления сил полиции оказались не способны установить контроль над улицами. В течение третьего дня чернокожие вооружились, разграбив оружейные магазины, что позволило им противостоять даже полицейским вертолётам. Тысячи полицейских и солдат (целая пехотная дивизия при поддержке танков) были брошены в бой за квартал Уоттс¹ и после нескольких дней ожесточённых уличных боёв смогли навести порядок. Восставшие грабили магазины и сожгли многие из них. Официальная пресса заявляет о 32 погибших (из них 27 чернокожих), более чем 800 раненых и 3000 арестованных.

Реакция всех сторон была наиболее показательной: революционные события, открыто поднимающие насущные проблемы, провоцируют своих противников на необыкновенную откровенность. Начальник полиции Уильям Паркер отказался от посредничества крупных негритянских организаций, верно заметив, что «у этих бунтовщиков нет лидеров». И действительно, поскольку у чернокожих на самом деле не было лидеров, эти события стали моментом истины для каждой из противоборствующих сторон. Что же на это ответил один из тех самых безработных лидеров, генеральный секретарь NAACP² Рой Уилкинс? Он провозгласил, что беспорядки «должны быть подавлены с применением всей необходимой силы». И кардинал Лос-Анджелеса

Макинтайр³, обычно громко протестующий, не протестовал против жестокости репрессий столь же громко, как можно было бы от него ожидать в случае аджорнаменто Римской церкви⁴, он протестовал наиболее яростно против «этого преднамеренного восстания против прав ближнего, против уважения к закону и против правопорядка», призывая католиков выступить против грабежей и «ничем не оправданного насилия». И все те, кто зашёл так далеко, чтобы обнаружить «очевидную оправданность» негритянского гнева в Лос-Анджелесе (но, конечно, не подлинные его причины), все эти идеологи и публичные лица ничтожного международного левого движения, сетовали о безответственности, беспорядках, грабежах (особенно о том, что *оружие и алкоголь* были главной их целью) и о двух тысячах пожаров, которыми петролейщики Уоттса осветили свою битву и своё празднество. Кто защищал лос-анджелесских бунтовщиков теми словами, которых они достойны? Мы сделаем это. Пусть экономисты жалуется о 27 миллионах долларов ущерба, градостроители — о прекрасных *супермаркетах*, исчезнувших в дыму и пламени, а Макинтайр — о застреленном заместителе шерифа, пусть социологи оплакивают бессмысленность и упоение этого восстания. Роль революционной публицистики не только в том, чтобы оправдать восставших в Лос-Анджелесе, но и в том, чтобы помочь им *высказать своё мнение*, теоретически объяснить истину, процесс поиска которой выражают подобные действия.

В обращении, опубликованном в Алжире в июле 1965 года после переворота под руководством Бумедьена⁵, ситуационисты объясняли алжирцам и революционерам всего мира, что условия в Алжире и в остальном мире следует рассматривать *как единое целое*, демонстрировали среди прочих примеров американское движение чернокожих, утверждая, что если оно сможет «громко заявить о себе», то разоблачит противоречия наиболее развитой капиталистической системы. Пять недель спустя это заявление прозвучало на улицах.

Современная теоретическая критика современного общества и критика действием того же общества уже существуют, ещё разделённые, но апеллирующие к одной и той же реальности и говорящие об одном и том же. Эти две критики объясняют друг друга и не могут быть поняты раздельно. Теория «выживания» и «спектакля» разъясняется и проверяется действиями, столь необъяснимыми для американского ложного сознания. Однажды эти действия будут разъяснены этой теорией.

До сих пор лидерам негритянского движения удавалось удерживать манифестации чернокожих с требованием «гражданских прав» в узких рамках законности, допускающей самое жёсткое насилие со стороны полиции и расистов – например, как на мартовской демонстрации в Монтгомери, штат Алабама; даже после этого скандала тайное соглашение между федеральными властями, губернатором Уоллесом⁶ и Мартином Лютером Кингом привело марш из Сельмы к отступлению с достоинством и молитвами после первого же приказа разойтись⁷. Столкновение, ожидавшееся толпой демонстрантов, стало лишь спектаклем о возможном столкновении. В этот момент отказ от насилия достиг предела своего потешного мужества: подставиться под удары противника, а затем проявить нравственное величие, чтобы избавить его от необходимости повторно применять силу. Но самый важный факт в том, что движение за гражданские права способно лишь решать юридические проблемы юридическим путём. Достаточно логично решать юридические проблемы в соответствии с законом. Но совершенно неразумно бороться юридически против вопиющего беззакония, как будто оно является результатом простого недосмотра, и может быть исправлено, если на него будет указано. Очевидно, что это настолько явное, столь кричаще заметное беззаконие, до сих пор применяющееся к чернокожим во многих американских штатах, коренится в экономико-социальном противоречии, находящемся вне полномочий существующих законов, и ко-

торое ни один будущий *юридический* закон не сможет устранить, потому что это было бы против наиболее фундаментальных законов общества, в котором афроамериканцы, наконец, осмеливаются требовать права на жизнь. В действительности афроамериканцы хотят исключительно разрушения этого общества. И проблема требуемого разрушения возникла сама по себе, поскольку негры стали использовать разрушительные методы, и переход к таким методам возникает внезапно в их повседневной жизни, представляя одновременно наиболее случайным и наиболее объективно обоснованным. И это больше не проблема положения американских чернокожих, это проблема положения Америки, изначально поднятая чернокожими. Это не было *расовым* конфликтом: чернокожие не атаковали белых, идущих своим путём, но исключительно белых полицейских, так же как чёрная солидарность не распространялась на чёрных владельцев магазинов или чёрных автовладельцев. Даже сам Лютер Кинг был вынужден признать в Париже в прошлом октябре, что границы его специальности были преодолены, заявив, что «это были не расовые бунты, но классовые».

Восстание в Лос-Анджелесе является восстанием против товара, против мира товара и рабочих-потребителей, *иерархически* подчинённых ценностям товара. Чернокожие Лос-Анджелеса (как и группировки юных правонарушителей во всех развитых странах, но более радикально, на уровне класса, полностью лишённого будущего, на уровне части пролетариата, которой даже не светят сколь-либо существенные шансы на повышение и на интеграцию), *дословно воспринимают* рекламное изобилие в пропаганде современного капитализма. Они требуют *немедленно* все демонстрируемые и абстрактно доступные объекты, поскольку хотят *воспользоваться ими*. Поэтому они отказываются признавать ценность рынка, моделью, мотивацией и итоговой целью которого является *товарная реальность*, и который *уже сам всё выбрал*. Посредством кражи и подарка они обретают опыт, который одновременно

изобличает угнетающую реальность товара (выявляя все её связи), как и саму её фабрикацию как весьма произвольные и ненужные. Разграбление квартала Уоттс было выражением наиболее грубой реализации ложного принципа «каждому по его псевдопотребностям», потребностям, предопределённым и созданным экономической системой, которую как раз отвергает это разграбление. Но вследствие того, что это изобилие воспринимается буквально, *обнаруживается в настоящем* и более не является бесконечно преследуемым в процессе отчуждённого труда и вследствие расширения различных общественных потребностей, подлинные желания сейчас выражают себя в карнавале, в игровом утверждении, в *потлаче* разрушения. Люди, которые уничтожают товары, демонстрируют собственное человеческое превосходство над товарами. Они более не скованы произвольными формами, принявшими вид их потребностей. Пламя Уоттса *потребляет* систему потребления. Кража холодильников людьми, у которых нет электричества или у которых оно было отключено за неуплату, является лучшим примером лжи изобилия, ставшей правдой *в ходе игры*. Товарная продукция, которая перестаёт быть покупаемой, становится открытой для критики и модификации во всех возможных конкретных формах. Лишь когда она оплачивается деньгами, как символ статуса в выживании, ей поклоняются как восхитительному фетишу.

Разграбление — это *естественный* ответ обществу изобилия; изобилия, однако, никак не относящегося ни к природе, ни к человеку, исключительно изобилия товаров. И разграбление, немедленно уничтожающее товар как таковой, также демонстрирует *ultima ratio*⁸ товара: армия, полиция и прочие специальные подразделения, обладающие монополией в Государстве на вооружённое насилие. Кто такой полицейский? Это деятельный слуга товара, человек, полностью подчинённый товару, чья деятельность заключается в том, чтобы продукт человеческого труда оставался товаром с волшебным желанием быть оплаченным, а не просто холодильником

или ружьём, то есть слепой, пассивной, бесчувственной вещью, находящейся в полном распоряжении первого, кто решит ею воспользоваться. За отрицанием чёрными гнусности полиции стоит отрицание ими гнусности товара. Молодёжь Уоттса, не имеющая будущего в рыночном мире, выбрала *другое качество настоящего*, и истина этого настоящего была настолько неопровержимой, что увлекла за собой всё население, женщин, детей и даже социологов, присутствовавших на этой территории. Юная чернокожая социолог из этого квартала Бобби Холлон заявила в октябре в “Herald Tribune”: «Раньше люди стыдились говорить, что они из Уоттса. Они говорили это сквозь зубы. Теперь они говорят это с гордостью. Парни, которые всегда ходили в рубашках, распахнутых до талии, и которые бы нарезали вас ломтиками за полсекунды, кучковались тут каждое утро в семь утра. Они организовали раздачу еды. Конечно, она была краденой, не надо строить иллюзий... Слишком долго всё это христианское блаблабла использовалось против негров. Эти люди могли бы красть на протяжении десяти лет и всё равно не вернули бы и половины денег, которые у них украли эти магазины за все эти годы... А я всего лишь маленькая чёрная девочка». Бобби Холлон, которая решила никогда не смывать кровь, забрызгавшую её сандалии во время бунтов, добавила, что «сейчас весь мир смотрит на квартал Уоттс».

Как люди творят историю, исходя из условий, установленных заранее, чтобы предотвратить их вмешательство? Неграм в Лос-Анджелесе платили лучше, чем где-бы то ни было в США, но они здесь также были наиболее *обособленными*, чем где-либо ещё, от максимального богатства, выставленного напоказ именно здесь, в Калифорнии. Голливуд, полюс мирового спектакля, находится с ними по соседству. Им обещают, что с терпением они взойдут к американскому процветанию, но они видят, что это процветание не устойчивая сфера, а бесконечная лестница. Чем выше они поднимаются, тем дальше от вершины оказываются, поскольку находят-

ся в невыгодной стартовой позиции, т. к. обладают меньшей квалификацией, и потому являются наиболее многочисленными среди безработных, и, наконец, потому что иерархия, подавляющая их, основывается не исключительно на покупательной способности как чисто экономическом факте, она основана на обязательном более низком положении, которое неграм предписывают во всех областях повседневной жизни обычаи и предубеждения общества, в котором всякая человеческая способность основана на покупательной способности. Поскольку личное богатство афроамериканцев считается отвратительным и, предположительно, полученным криминальным путём, денежное богатство не может сделать их полностью приемлемыми в американском отчуждении: персональное богатство может сделать лишь богатого негра, в то время как негры в целом должны *представлять собой бедность* в обществе иерархизированного богатства. Все наблюдатели обратили внимание на этот крик, вызывавший ко всеобщему признанию смысла восстания: «Это революция чёрных, и мы хотим, чтобы весь мир это знал!» *Freedom now* – это пароль всех революций в истории, но впервые новым законам предстоит властвовать не над нищетой, а наоборот, над материальным изобилием. Властвовать над изобилием означает не просто изменить схему его распространения, но заново определить все его внешние и внутренние установки. Это первый шаг в бесконечной борьбе с необъятными последствиями.

Чёрные не одиноки в своей борьбе, поскольку *новое пролетарское сознание* (осознание того, что они ни в малейшей степени не являются хозяевами своей деятельности и своей жизни) возникает в Америке среди слоёв, отвергающих современный капитализм, и потому похожих на этих чёрных. Действительно, первая стадия борьбы негров как раз была сигналом к началу непрерывно расширяющегося протеста. В декабре 1964 года студенты Беркли, подвергавшиеся нападкам за участие в движении за гражданские права, устроили

забастовку, которая поставила под сомнение функционирование этого калифорнийского «мультиверситета», и посредством этого всю организацию американского общества и ту пассивную роль, которую оно им предначертало. Тотчас же в среде студенческой молодёжи были обнаружены оргии с выпивкой и наркотиками, а также разложение сексуальной морали, за что упрекали и чёрных. С той поры это поколение студентов изобрело новую форму борьбы против господствующего спектакля, *teach-in*⁹, эта форма была предпринята 20 октября в Великобритании в университете Эдинбурга по поводу кризиса в Родезии. Эта очевидно несовершенная и примитивная форма является *моментом обсуждения проблем*, который отказывается ограничиваться по времени (академически) и стремится найти своё логическое развитие и завершение в практической деятельности. В октябре десятки тысяч демонстрантов вышли на улицы в Нью-Йорке и Беркли против войны во Вьетнаме, и их голоса соединились с призывами восставших в Уоттсе: «Убирайтесь из нашего района и из Вьетнама». В ситуации с радикализирующимися белыми знаменитый рубеж легальности уже пройден: проводятся курсы, обучающие тому, как обмануть призывную комиссию (“Le Monde”, 19 октября 1965), а повестки сжигают перед объективами телекамер. В обществе изобилия проявляется отвращение к этому изобилию и *к его цене*. Автономная деятельность передового сектора плюёт на спектакль и отвергает его ценности. Классический пролетариат, в той же мере, в которой он сумел временно интегрироваться в капиталистическую систему, не интегрировал чёрных (многие лос-анджелесские профсоюзы отказывали в членстве неграм вплоть до 1959 г.), и сейчас чёрные являются точкой объединения для всех, кто отвергает логику этой интеграции в капитализм, *nec plus ultra*¹⁰ всякой обещанной интеграции. И комфорт никогда не будет достаточно комфортным, чтобы удовлетворить ищущих то, чего нет на рынке, то, что именно рынок уничтожает. Уровень, достигнутый наиболее привилегиро-

ванными технологиями, превратился в оскорбление, которое продемонстрировать даже проще, чем базовое оскорбление овещствления. Восстание в Лос-Анджелесе является первым восстанием в истории, причиной которого во многих случаях было отсутствие кондиционера во время жары.

У негров в Америке есть их собственный спектакль, их пресса, их журналы и их чернокожие звёзды, и таким образом они распознают всё это как лживый спектакль и испытывают к нему отвращение, выражающее их обиду, поскольку рассматривают всё это как спектакль *для меньшинств*, простое дополнение к спектаклю для основной массы населения. Они распознают, что их спектакль желанного потребления является колонией того же самого спектакля, но для белых, и потому они гораздо быстрее начинают видеть ложь всего экономико-культурного спектакля. Они требуют (желая по настоящему и немедленно участвовать в изобилии, что является официальной ценностью для каждого американца) равной *реализации* спектакля повседневной жизни в Америке, отведать полунебесные-полуземные достоинства этого спектакля. Но сущность этого спектакля — не быть осуществимым ни немедленно, ни на принципах равенства *даже для белых* (чёрные как раз выполняют функцию идеальной зрительской гарантии этого стимулирующего неравенства на бегу к изобилию). Когда чёрные требуют буквального принятия капиталистического спектакля, они уже отвергают этот самый спектакль. Спектакль — это наркотик для рабов. Он рассчитан не на дословное восприятие, но на следование за ним с незначительной задержкой (если задержки не будет, мистификация станет очевидной). По сути в США белые сегодня являются рабами товара, а чёрные — его ниспровергателями. Негры *хотят большего, чем белые*: вот сердце проблемы, неразрешимой или разрешимой исключительно вместе с упразднением этого белого общества. Потому белые, которые хотят избавиться от их собственного рабства, должны присоединиться к чёрному бунту, разумеется, не в качестве поддерж-

ки от представителей другого цвета кожи, но ради всеобщего отказа от товара, и в конечном счёте от Государства. Экономический и психологический разрыв между чёрными и белыми позволяет чёрным видеть, что представляет собой белый потребитель, и их оправданное презрение к белым превращается в презрение ко всякому пассивному потребителю. Те белые, которые также отвергают эту роль, не имеют ни малейших шансов на победу, если не будут всегда объединять свою борьбу с борьбой чёрных, распознавая её связанные причины и поддерживая её до самого конца. Если их слияние распадётся перед лицом радикализации борьбы, разовьётся чёрный национализм, который обречёт обе стороны на противостояние по образцу самых старых моделей господствующего общества. Серия взаимных истреблений является другим возможным выходом из существующей ситуации, когда смирение не может больше продолжаться.

Попытки создания чёрного национализма, сепаратистского или проафриканского, являются грёзами, неспособными ответить на реальное угнетение. У афроамериканцев нет родины. В Америке они одновременно *у себя дома и отчужденны*, как и остальные американцы, но в отличие от остальных чёрные это осознают. Это делает их не отсталым сектором американского общества, а наоборот, наиболее передовым его сектором. Они — это негативное в действии, та «дурная сторона», которая «порождая борьбу, создаёт движение, которое образует историю» («Нищета философии») ¹¹. Африка тут совсем не при чём.

Афроамериканцы — такой же продукт современной индустрии, как и электроника, реклама или циклотрон ¹². И они несут в себе противоречия. Они являются людьми, которых зрительский рай должен одновременно интегрировать и отвергать, так что антагонизм между спектаклем и человеческой деятельностью наглядно демонстрируется на их примере. Спектакль *универсален*, как и товар. Но мир товара был основан на противостоянии классов, товар сам по себе является

иерархическим. Необходимость товара, и, следовательно, спектакля, *информизирующего* мир о товаре, быть одновременно универсальным и иерархическим ведёт к установлению универсальной иерархии. Но поскольку это установление иерархии должно оставаться *скрытым*, оно выражается в скрытых (потому что *иррациональных*) иерархических суждениях о цене в мире *нерациональной рационализации*. Именно это установление иерархии повсюду создаёт *разные виды расизма*: лейбористская Англия на пути к тому, чтобы ограничить иммиграцию цветных, индустриально развитые страны Европы вновь стали расистскими, импортируя их субпролетариат из зоны Средиземноморья, эксплуатируя внутри страны колонизированных ими. И Россия не перестает быть антисемитской, поскольку она не перестает быть иерархическим обществом, в котором труд должен продаваться как товар. Как и товар, иерархия всегда воссоздается в новых формах и расширяет свои границы; что можно наблюдать в отношениях между руководителем рабочего движения и трудящимися, так же как и между владельцами двух искусственно различающихся моделей автомобилей. Это — первородный грех товарной рациональности, болезнь буржуазного разума, наследственное заболевание бюрократии. Но омерзительная абсурдность определённых иерархий и тот факт, что все силы мира товара слепо и машинально встают на их защиту, ведёт к тому, что когда начинают практиковать противоположное иерархии, сразу становится видна абсурдность всякой иерархии.

Рациональный мир, произведённый промышленной революцией, рационально освободил индивидуумов от их локальных и национальных ограничений, соединил их в мировом масштабе, но его безрассудство заключается в том, чтобы заново их разделить в соответствии со скрытой логикой, выражающейся в безумных идеях и абсурдных оценках. Чужие повсюду окружают человека, ставшего чужим для своего мира. Варвар больше не находится на краю Земли, он

прямо здесь, превращённый в *варвара* именно своим неминуемым участием в том же иерархизированном потреблении. Гуманизм, который это покрывает, является противоположностью человеку, отрицанием его деятельности и его желаний, это гуманизм товара, благосклонность товара к человеку, на котором он паразитирует. Тем, кто редуцирует людей до объектов, объекты начинают казаться обладающими всеми человеческими качествами, а реальные человеческие проявления превращаются в *животную* бессознательность. Потому Уильям Паркер, главный по гуманизму в Лос-Анджелесе, мог сказать: «Они начали вести себя как стая обезьян в зоопарке».

Когда власти Калифорнии ввели режим чрезвычайного положения¹³, страховые компании напомнили о том, что они не покрывают риски на таком уровне: за пределами *выживания*. Так что в целом выживанию афроамериканцев ничто не угрожает — по крайней мере пока они держатся смиренно — и капитализм стал достаточно сконцентрированным и тесно взаимосвязанным с государством, чтобы выдавать «материальную помощь» наиболее нищим. Но просто в силу того, что они находятся *позади* в процессе повышения социально организуемого выживания, чернокожие ставят ребром вопросы жизни, и требуют они жизни, а не выживания. У чернокожих нет ничего своего, что можно было бы застраховать; они должны уничтожить все формы охраны и частного страхования, известные на данный момент. Они предстают тем, чем они в действительности являются — непримиримыми врагами, разумеется, не подавляющего большинства американцев, но отчуждённого образа жизни во всяком современном обществе: наиболее промышленно развитые страны лишь демонстрируют нам путь, которому будут следовать по всему миру, если система не будет низвергнута.

Отдельные экстремисты из числа чёрных националистов, чтобы продемонстрировать, что они не согласятся ни на что меньшее, чем отдельное государство, выдвинули

аргумент, что американское общество, даже если оно в один день признает за ними всё гражданское и экономическое равенство, никогда не дойдёт на уровне индивидуумов до признания межрасовых браков. *Таким образом, это американское общество должно исчезнуть* в Америке и повсюду в мире. Конец всех расовых предрассудков, как и конец многих других, связанных с запретами, предрассудков в области сексуальной свободы, очевидно, находится за пределами «брака» как такового, за пределами буржуазной *семьи*, сильно пошатнувшейся среди афроамериканцев, которая царствует и в России, и в США, как модель иерархических отношений и постоянства *наследственной власти* (денег или общественно-государственного положения). Сейчас часто говорят, что американская молодёжь после тридцати лет молчания возникает в качестве протестной силы, и что она найдёт свою войну в Испании в восстании чернокожих. Необходимо, чтобы на этот раз её «батальоны Линкольна»¹⁴ осознавали всё значение борьбы, в которую они вступают, и полностью её подерживали в том, что в ней есть из всеобщего. «Крайности» в Лос-Анджелесе были не большей политической ошибкой чернокожих, чем вооружённое сопротивление РОУМ в Барселоне в мае 1937 года было предательством антифранкистской войны. Восстание против спектакля находится на уровне *тотальности*, даже если оно происходит в единственном округе Уоттс, поскольку является протестом человека против нечеловеческой жизни, поскольку оно начинается на уровне *отдельного реального индивидуума*, и поскольку общность, от которой восставший индивид отделён, является *истинной общественной сущностью* человека, человеческой природой: позитивным преодолением спектакля.

1. Уоттс — административный район Лос-Анджелеса, населённый преимущественно афроамериканцами.
2. NAACP — National Association for the Advancement of Colored People (Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, *англ.*), одна из старейших амер. общественных организаций, занимающаяся защитой прав чернокожего населения.
3. Джеймс Френсис Макинтайр (1886–1979) — архиепископ Лос-Анджелеса в 1948–1970 гг.
4. Аджорнаменто — программа обновления католической церкви путём инкорпорации теологией отдельных достижений современной культуры и философии, провозглашённая папой Иоанном XXIII и обсуждавшаяся на Втором Ватиканском соборе (1962–1965).
5. Имеется в виду «Послание революционерам Алжира и всех других стран».
6. Джордж Уоллес (1919–1998) — амер. политик-демократ, в 1963–1967 гг. губернатор штата Алабама.
7. Марши из Сельмы на Монтомери — серия из трёх маршей, прошедших в марте 1965 г. в амер. штате Алабама в рамках борьбы чернокожих американцев за равные избирательные права. Все они стартовали из г. Сельма. Первый состоялся 7 марта 1965 г. и был с особой жестокостью разогнан полицией, выполнявшей распоряжение губернатора штата. Эти события, в ходе которых более 50 участников получили ранения, вошли в историю под названием «кровавого воскресенья» (*англ.*, Bloody Sunday). Второй марш состоялся 9 марта. Организаторы попробовали заранее получить судебное определение, запрещающее полиции препятствовать проведению марша, но федеральный окружной судья Ф. М. Джонсон вынес решение, запрещающее марш до проведения дополнительных слушаний по этому вопросу. Также маршу предшествовали негласные переговоры между представителями властей и его организаторами (среди них был и М. Л. Кинг), в ходе которых представители власти убеждали отложить шествие на более поздний срок. Однако полностью исключить мероприятие было невозможно, поскольку недовольство событиями «кровавого воскресенья» было столь сильным, что многие готовы были в нём участвовать невзирая на судебный запрет. Тогда участвовавший в переговорах экс-губернатор Флориды Т. Л. Коллинс предложил завершить марш на городском мосту Эдмунда Петтуса, гарантировав, что в таком случае полиция не будет вмешиваться в происходящее. Кинг, ожидавший положительного исхода судебного рас-

смотрения (шансы на него сильно снизились бы в случае, если бы марш состоялся вопреки запрету), принял эти условия. В итоге марш прошёл по заранее согласованному плану, и после проведения Кингом на мосту непродолжительного молебна протестующие были развёрнуты организаторами обратно, так и не покинув границ г. Сельма. Эти события стали известны как «разворот во вторник» (*англ.*, Turnaround Tuesday) и именно к ним отсылает Дебор. Третий марш начался 21 марта 1965 г., ему предшествовало решение судьи в пользу проведения марша. Он завершился 25 марта в столице штата Алабама г. Монтгомери. Марши вызвали большой общественный резонанс и привели к принятию в 1965 г. «Акта об избирательных правах», запрещавшего расовую дискриминацию избирателей.

8. «Последний довод» (*лат.*).
9. Teach-in (диспут, *англ.*) — форма протестных действий в виде образовательного семинара, посвящённого актуальным политическим вопросам, с выступлениями экспертов, сопровождаемыми свободной дискуссией, вопросами и репликами присутствующих. Особенностью teach-in (в отличие от обычного семинара) является отказ от заданных временных рамок и строгого академического подхода. Teach-in возникли в США в 1965 г. как форма протеста преподавателей и студентов против войны во Вьетнаме, первый из них был проведён в Мичиганском университете в г. Анн-Арбор 24–25 марта 1965 г.
10. «Дальше некуда» (*лат.*).
11. Цит. по: *Маркс К.* Ницета философии. С. 143.
12. Тип ускорителя тяжёлых заряженных частиц.
13. Речь идёт о режиме «состояния восстания», вводимом в соответствии с «Актом о восстании» (1807) и позволяющем президенту США использовать против восставших «те вооружённые силы, которые он сочтёт необходимыми для обеспечения соблюдения законов или подавления восстания».
14. Батальон имени Авраама Линкольна — сформированный из амер. добровольцев батальон в составе интербригад в ходе Гражданской войны в Испании.